

СПОРЫ О КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЯХ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИМЕНИМОГО ПРАВА

Эдуард Король

Произведения искусства и другие движимые культурные ценности все активней вовлекаются в международный гражданский оборот. Совершаются сделки купли-продажи культурных ценностей, влекущие их последующее перемещение с территории одного государства в другое. Связь культурных ценностей более чем с одной системой национального права требует, в случае возникновения спора, решения вопроса о том праве, которое подлежит применению к спорному отношению. В науке проблеме определения применимого права в отношении культурных ценностей не уделено достаточного внимания. Среди авторов, рассматривавших отдельные аспекты этого вопроса, следует назвать М. М. Богуславского [1], В. П. Звекова [2], Е. Б. Леанович [7], В. О. Нешатаева [9], Дж. Чешира [11], Д. Финчема [12], Д. Мерримэна [14], П. Рэйхан [15].

Цель настоящей статьи состоит в комплексном правовом анализе коллизионных норм, направленных на решение проблемы выбора применимого права при рассмотрении споров с участием культурных ценностей.

Столкновение двух и более правопорядков, коллидирующих в урегулировании спорного гражданского отношения с иностранным элементом посредством собственных национальных норм, ведет к необходимости выбора применимого права и преодоления таким образом коллизионной проблемы. Отметим, что в законодательстве Республики Беларусь не содержится прямой коллизионной привязки для определения права, подлежащего применению к культурным ценностям. На уровне международных многосторонних договоров также отсутствуют унифицированные коллизионные нормы о применимом праве к культурным ценностям. Ни в Конвенции ЮНЕСКО о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности 1970 г. [5], ни в Конвенции ЮНИДРУА о похищенных или незаконно вывезенных культурных ценностях 1995 г. [6], ни в других международных договорах не содержится правил, указывающих на выбор применимого права к культурным ценностям.

Необходимость решения коллизионного вопроса при рассмотрении судебных дел по поводу произведений искусства и других культурных ценностей возникает преимущественно по поводу защиты права собственности на ценности культуры, ставшие объектами международного незаконного оборота. В силу этого обстоятельства особую значимость при рассмотрении такой категории дел приобретают коллизионные нормы о праве, подлежащем применению к отношениям собственности.

В Республике Беларусь исходным началом для решения коллизионных вопросов права собственности выступает «закон места нахождения вещи» (*lex rei sitae*). На такой же основе строится коллизионное регулирование отношений собственности в законодательстве большинства современных государств, в частности: Армении, Грузии, Казахстана, Узбекистана, Австрии, Германии, Греции, Венгрии, Венесуэлы, Испании, Португалии, Польши, Турции и др. [см.: 8]. В силу статьи 1119 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК) [3] право собственности и другие вещные права на имущество, а также принадлежность имущества к недвижимым или движимым вещам либо иная их юридическая квалификация определяются по праву страны, где это имущество находится. Под правом страны, в которой имущество находится, понимается фактическое место нахождения соответствующего имущества, независимо от того, где находится собственник этого имущества или обладатель на него иных вещных прав [1, с. 106].

Применительно к культурным ценностям закрепленная в статье 1119 ГК привязка *lex rei sitae* предполагает определение содержания и объема правомочий собственника или обладателей иных вещных прав, а также квалификацию вещи в качестве предмета, имеющего культурную значимость и относящегося к категории «культурная ценность» по праву того государства, в котором находится ценность.

Большое практическое значение для рассматриваемой категории дел имеет коллизионное регулирование защиты права собственности и иных вещных прав, в частности права, применимого к такому средству защиты, как иск о vindикации культурной ценности. Многие государ-

Автор:

Король Эдуард Леонтьевич — преподаватель кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

Рецензенты:

Бабкина Елена Васильевна — кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Игнатик Мария Ивановна — кандидат юридических наук, заведующая кафедрой международного права юридического факультета Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

ства вопросы защиты права собственности подчиняют общепринятому коллизионному началу *lex rei sitae*. Между тем, само понимание государства принципа места нахождения вещи может различаться: под ним понимают место, где вещь находилась в момент выбытия из обладания собственника или во время ее перехода к приобретателю, либо фактическое место нахождения вещи в момент предъявления иска. В зависимости от этого результаты рассмотрения виндикационного иска могут быть различными, поскольку условия защиты добросовестных приобретателей в праве разных стран неодинаковы. Поэтому проблема квалификации юридических понятий при применении коллизионной нормы имеет большое значение, в том числе и при решении вопросов защиты права собственности на культурные ценности.

Урегулирование коллизионных вопросов, связанных с возникновением и прекращением вещных прав, по утверждению В. П. Звекова, «сопряжено с необходимостью принимать во внимание "временные" и "пространственные" координаты обуславливающих их фактических обстоятельств» [2, с. 258]. Правила определения права, подлежащего применению к возникновению и прекращению вещных прав, носят специальный характер по отношению к общему коллизионному началу *lex rei sitae*. Так, на основании пункта 2 статьи 1120 ГК возникновение и прекращение права собственности и иных вещных прав на имущество не по сделке определяются правом страны, где это имущество фактически находилось в момент, когда имело место действие или иное обстоятельство, послужившее основанием для возникновения или прекращения вещного права.

По праву того государства, где находилась культурная ценность, будет разрешаться вопрос о законности прекращения и последующего перехода права собственности: прекратилось или нет право собственности на предмет культурного значения в результате таких юридических фактов, как отказ от права собственности, потеря, хищение культурной ценности; перешло ли право собственности к новому владельцу и не является ли переход права юридически порочным.

В случаях, когда культурная ценность выступает предметом гражданско-правовой сделки, отношения по возникновению и прекращению вещных прав на имущество в силу пункта 1 статьи 1120 ГК будут определяться специальной коллизионной привязкой — правом места совершения сделки (*lex loci contractus*). Между тем, и у этого правила есть исключение: стороны при совершении сделки, реализуя принцип автономии воли, могут избрать по соглашению между собой право, подлежащее применению к их правам и обязанностям (*lex voluntatis*).

Следует сказать, что сделки с культурными ценностями — основной способ передачи права собственности на ценности культуры в условиях международного гражданского оборота. Поэто-

му вопросы возникновения права собственности у нового обладателя культурной ценности, полученной на основании распорядительной сделки, выступают особым предметом исследования при разрешении дел о защите права собственности на культурные ценности. Ведь в случае приобретения третьим лицом культурной ценности на основании сделки, юридически безупречной по праву того государства, где она была совершена, действительный обладатель прав на культурную ценность, как правило, будет лишен возможности реального истребования принадлежащей ему культурной ценности. Здесь уместно привести слова Дж. Чешира и П. Норта: «Собственник утрачивает свой титул на движимое имущество, если оно вывезено в иностранное государство и там передано в условиях, достаточных с точки зрения местного права для перехода действительного титула к приобретателю. Правовой титул, признаваемый в силу иностранного *lex situs*, вытесняет прежние, не совместимые с ним титулы независимо от того, в силу какого права они возникли» [11, с. 331].

Важной особенностью рассматриваемой категории дел выступает также исследование вопроса о добросовестности приобретателя культурной ценности.

В целях защиты легального оборота собственности многие современные правовые системы предусматривают возможность приобретения права собственности добросовестными приобретателями, даже в отношении похищенных вещей. Так, согласно статье 1153 Гражданского кодекса Италии [13], добросовестный приобретатель движимой вещи становится ее собственником, если она отчуждена на основании сделки, способной к передаче титула. Данное правило распространяется, в том числе, на похищенное имущество (за исключением случаев, когда вещь относится к категории публичной собственности). На основании параграфа 935 Гражданского уложения Германии [4] добросовестный приобретатель получает титул на похищенное, потерянное имущество, если оно было отчуждено путем публичных торгов. Поэтому в отношении предметов искусства и других культурных ценностей возникает вопрос, утрачивает ли в результате такого отчуждения прежний собственник свое право собственности в пользу приобретателя.

Для правоприменительной практики различных правовых систем характерны разные подходы в отношении добросовестного приобретения, что может быть продемонстрировано на примере следующих двух судебных дел.

В качестве первого примера обратимся к спору из американской судебной практики по поводу двух картин А. Дюрера: портретов Ганса Тухера и Фелицитас Тухер. *Изначально оба портрета находились в Веймарском дворцовом музее. Во время Второй мировой войны картины были перемещены с целью сохранения в замок Шварцбург, откуда весной 1945 г. были украдены американским солдатом во время недолгой оккупа-*

ции Тюрингии американскими войсками и затем привезены в Америку. Там в 1946 г. картины были приобретены Нью-Йоркским адвокатом Э. Эликофоном. В 1969 г. после того, как стало известно о местонахождении картин, был предъявлен иск о возврате картин Правительством ФРГ и наследной Великой герцогиней Саксен-Веймарской. Иск о возврате картин Дюрера был удовлетворен американским судом. Суд в своем решении основывался на том, что согласно принципу *lex rei sitae* к спорному правоотношению подлежало применению право штата Нью-Йорк как места, где находились ценности во время их передачи по сделке, а по законодательству этого штата американский адвокат Э. Эликофон не мог приобрести право собственности на картины, поскольку в отношении краденого имущества у приобретателя, невзирая на добросовестность, не возникает титула [см.: 15, с. 1016—1018].

Необходимость учитывать заслуживающие внимания интересы добросовестного приобретателя при рассмотрении споров о праве на культурные ценности демонстрирует следующий пример из практики английских судов. Японские произведения искусства, украденные из частной коллекции в Англии, оказались в Италии, где они были куплены добросовестным приобретателем — итальянским коллекционером. Приобретатель позже отправил их в Лондон для продажи на аукционе фирмы «Кристис». Об этом стало известно собственнику похищенных культурных ценностей, который предъявил иск о их возврате. Исходя из принципа *lex rei sitae*, английский суд применил итальянское право как право государства, в котором культурные ценности находились в момент передачи приобретателю. Поскольку гражданское право Италии допускает возможность добросовестного приобретения и в отношении похищенных вещей, ответчик был признан правомерным собственником. В силу названных обстоятельств английский суд отказал в иске бывшему собственнику похищенных культурных ценностей [см.: 14, с. 5].

Таким образом, используемые в современном международном частном праве коллизионные привязки *lex rei sitae* (*lex situs*), *lex voluntatis* далеко не всегда гарантируют преимущественную защиту прав собственников культурных ценностей в тех случаях, когда применимое право отдает приоритет защите интересов добросовестных приобретателей. Данное обстоятельство может быть использовано и недобросовестными участниками гражданского оборота, которые преднамеренно совершают сделки по отчуждению культурных ценностей в государствах, защищающих добросовестных приобретателей перед петиторным иском собственника.

Однако культурные ценности различаются по своему значению для историко-культурного наследия стран происхождения. Отдельные из ценностей составляют неотъемлемую часть материальной культуры государства, имеют особое значение для ее развития. В отношении таких культурных ценностей устанавливается особый правовой режим путем их включения в охранные реестры (списки) государства; они наделяются повышенной охраноспособностью, в том числе в вопросах абсолютной возможности их истребования из чужого незаконного владения независимо от сроков давности.

Различие степени правовой охраны культурных ценностей в рамках национальных государств не может не влиять на поиск новой формулы прикрепления в международном частном праве, позволяющей принимать во внимание особое значение отдельных культурных ценностей для культурного наследия государств, в которых они поставлены на учет, при решении вопросов о защите права собственности на них.

Так, в литературе представлена позиция В. О. Нешатаевой, которая предлагает использовать при рассмотрении споров о защите права собственности на культурные ценности более гибкую коллизионную привязку — принцип наиболее тесной связи (*proper law*). Одновременно автор обосновывает предложение об установлении ряда специфических критериев, учитывающих особый характер предмета сделки: чистота правового титула на культурную ценность с учетом обстоятельств приобретения (провенанс предмета сделки), сроки давностного владения, наличие государственного интереса в спорном предмете [9, с. 89].

Предложение В. О. Нешатаевой о применении к культурным ценностям принципа наиболее тесной связи заслуживает внимания и представляется вполне аргументированным, однако использование данной привязки имеет ряд сложностей. И главная из них — неопределенность содержания и трудности фактического применения. Сделки с культурными ценностями могут иметь тесную связь с разными государствами в силу своей оборотоспособности, критерия происхождения, признака нахождения и т. д. Поэтому вопрос определения применимого права в рассматриваемом случае может нести значительный субъективный момент правоприменителя.

Американским исследователем Д. Финчем обосновывается применение к культурным ценностям привязки «закон места происхождения» (*lex originis*) [12, с. 146]. Следует отметить, что впервые принцип «закон места происхождения» в отношении культурных ценностей нормативно был закреплен в разработанной Институтом международного права и носящей рекомендательный характер Базельской резолюции о международной торговле произведениями искусства с точки зрения защиты культурного наследия 1991 г. [10]. В данной резолюции было определено, что предпочтение при определении применимого права необходимо отдавать праву той страны, с которым культурная ценность связана наиболее тесным образом, а именно праву страны места происхождения ценности.

Однако при использовании данной формулы прикрепления далеко не всегда можно четко определить место происхождения культур-

ной ценности с точки зрения ее исторического генезиса. Следует согласиться с В. О. Нешатаевой, что однозначное применение принципа «*lex originis*» не всегда уместно, поскольку культурные ценности, которые в прошлом составляли культурное наследие одной страны, в силу исторических, географических изменений могут превратиться в национальное наследие абсолютно другого государства [9, с. 88].

На наш взгляд, применение привязки *lex rei sitae* при выборе применимого права к спорам об истребовании культурных ценностей из чужого незаконного владения будет продолжать оставаться наиболее распространенным коллизионным принципом современного международного частного права при разрешении данной категории дел. Однако его применение, полагаем, может быть ограничено, когда предметом спора о защите права собственности выступает культурная ценность, включенная в реестр (список) культурного наследия определенного государства, в силу чего обладающая повышенной охраноспособностью перед другими культурными ценностями в национальном праве ее государства-принадлежности. Такое ограничение необходимо для предотвращения нелегального международного оборота культурных ценностей, относящихся к объектам культурного наследия того или иного государства.

Поэтому достаточно целесообразным видится закрепление нового коллизионного принципа — **закон государства, в котором культурная ценность зарегистрирована в качестве объекта культурного наследия**. Применение данной коллизионной привязки могло бы иметь место, когда спорный предмет, представляющий историко-культурное значение, выступает объектом культурного наследия определенного государства и имеется подтверждение данного статуса. Регистрация культурной ценности в качестве объекта национального культурного наследия, как правило, производится путем включения ее в государственный реестр (список) и установления особого режима охраны.

Отсылка к праву государства, в котором культурная ценность поставлена на учет как объект историко-культурного наследия, позволит вполне однозначно применить правовые нормы, принятые государством в целях охраны наиболее уникальных и ценных предметов его материальной культуры. Такие нормы преимущественно направлены на абсолютную возможность истребования движимых материальных культурных ценностей из чужого незаконного владения, не допуская приобретения права собственности на данные объекты другими лицами. Тем самым отсылка к праву места постановки на учет культурной ценности позволит в наибольшей степени учесть интерес государства, в котором спорная культурная ценность зарегистрирована как объект его культурного наследия, и обеспечит защиту нарушенного права собственности.

Таким образом, в целях предотвращения нелегального международного оборота культурных ценностей, относящихся к культурному наследию современных государств, и ограничения перехода права собственности на них при рассмотрении дел о возвращении культурных ценностей преимущество при выборе применимого права целесообразно отдавать праву государства, в котором ценность зарегистрирована в качестве объекта культурного наследия. В отношении других культурных ценностей не зарегистрированных или иным образом классифицированных как часть культурного наследия конкретного государства, полагаем, будут применяться такие коллизионные привязки, как закон места нахождения вещи (*lex rei sitae, lex situs*), закон, избранный сторонами сделки (*lex voluntatis*), и др.

Закрепление нового коллизионного принципа — закон государства, в котором культурная ценность зарегистрирована в качестве объекта культурного наследия, — может быть осуществлено на уровне национального законодательства, двусторонних договоров, а также международных многосторонних соглашений регионального и универсального уровней (в рамках стран — участниц СНГ, ЕврАзЭС, ЕС, Совета Европы, ЮНЕСКО). Это создаст дополнительные гарантии для сохранения за собственниками наиболее уникальных культурных ценностей с позиции национального культурного наследия, а также будет противостоять нелегальному международному обороту культурных ценностей.

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам.

1. В современном международном частном праве не сформирована типовая коллизионная привязка применительно к культурным ценностям.

2. При рассмотрении споров об истребовании культурных ценностей преимущественно применяется коллизионный принцип *lex rei sitae*. Однако последний не учитывает различий в уровне правовой охраны культурных ценностей со стороны государства, объектами национального культурного наследия которого они выступают. К тому же неоднозначность квалификации понятия «место нахождения вещи» в процессе применения коллизионной нормы судами разных государств может существенно повлиять на итог разрешения спора о возврате культурных ценностей.

3. Новым коллизионным принципом при разрешении споров в отношении культурных ценностей, составляющих неотъемлемую часть историко-культурного наследия той или иной страны, может стать закон государства, в котором культурная ценность зарегистрирована в качестве объекта культурного наследия. Это позволит создать дополнительные правовые препятствия для вовлечения в международный незаконный оборот объектов национального культурного наследия современных государств и максимально учесть интересы последних в вопросах абсолютной возможности возвращения таких ценностей.

Литература

1. Богуславский, М. М. Культурные ценности в международном обороте: правовые аспекты / М. М. Богуславский. — М.: Юрист, 2005. — 425 с.
2. Звекон, В. П. Коллизии законов в международном частном праве / В. П. Звекон. — М.: Волтерс Клувер, 2007. — 416 с.
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.; одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.; текст Кодекса по состоянию на 1 янв. 2011 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2011.
4. Гражданское уложение Германии: вводный закон к Гражданскому уложению / введ., сост. В. Бергман; науч. ред. А. Л. Маковский [и др.]. — М.: Волтерс Клувер, 2006. — 728 с.
5. Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности, 14 нояб. 1970 г. // Нормативные акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия (конвенции, протоколы, резолюции, рекомендации). — М.: ЮниПринт, 2002. — С. 60–70.
6. Конвенция ЮНИДРУА о похищенных или незаконно вывезенных культурных ценностях [Электронный ресурс] // UNIDROIT — International Institute for the Unification of Private Law. — Режим доступа: <<http://www.unidroit.org/english/conventions/1995culturalproperty/translations/culturalproperty-russian.pdf>>. — Дата доступа: 04.01.2010.
7. Леанович, Е. Б. Международное частное право: учеб. пособие / Е. Б. Леанович. — Минск: ИВЦ Минфина, 2008. — 360 с.
8. Международное частное право: иностранное законодательство / Исслед. центр част. права; авт. предисл. А. Л. Маковский; сост., науч. ред. и авт. введ.: А. Н. Жильцов, А. И. Муранов. — М.: Статут, 2001. — 891 с.
9. Нешатаева, В. О. Международно-правовое регулирование экономического оборота культурных ценностей: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / В. О. Нешатаева. — М., 2010. — 172 л.
10. Резолюция Института международного права о международной торговле произведениями искусства с точки зрения защиты культурного наследия, 3 сент. 1991 г. [Электронный ресурс] // Institut de Droit International. — Режим доступа: <http://www.idi-ii.org/idiE/resolutionsE/1991_bal_04_en.PDF>. — Дата доступа: 04.01.2011.
11. Чешир, Дж. Международное частное право / Дж. Чешир, П. Норт. — М.: Прогресс, 1982. — 496 с.
12. Fincham, D. How Adopting the Lex Originis Rule Can Impede the Flow of Illicit Cultural Property / D. Fincham [Electronic resource] // Social Science Research Network Electronic Library. — Mode of access: <<http://ssrn.com/abstract=1287365>>. — Date of access: 07.07.2010.
13. Il Codice Civile Italiano [Electronic resource] // The Cardozo Electronic Law Bulletin. — 2000. — Mode of access: <http://www.jus.unitn.it/cardozo/Obiter_Dictum/codciv/home.html>. — Date of access: 04.04.2010.
14. Merryman, J. H. The good faith acquisition of stolen art / J. H. Merryman [Electronic resource] // Social Science Research Network Electronic Library. — Mode of access: <<http://ssrn.com/abstract=1025515>>. — Date of access: 07.07.2010.
15. Reyhan, P.Y. A chaotic palette: conflict of laws in litigation between original owners and good-faith purchasers of stolen art / P. Y. Reyhan [Electronic resource] // Duke Law Journal. — 2001. — Vol. 50, N 4. — Mode of access: <<http://www.law.duke.edu/shell/cite.pl?50+Duke+L.+J.+955>>. — Date of access: 07.07.2010.

«Споры о культурных ценностях: проблемы определения применимого права» (Эдуард Король)

В статье рассматриваются вопросы определения применимого права к отношениям с участием культурных ценностей. Отмечается, что ни в законодательстве Республики Беларусь, ни в многосторонних международных договорах не закреплена типовая коллизионная привязка к таким специфическим объектам гражданского оборота, как культурные ценности. При разрешении судебных дел преимущественно используются нормы коллизионного права, применимые к вещным и договорным обязательствам.

*Исходным коллизионным началом при рассмотрении споров о возвращении произведений искусства и других культурных ценностей в мировой практике выступает принцип *lex rei sitae* (закон места нахождения вещи). Однако его применение не всегда гарантирует защиту прав собственника пропавшей культурной ценности перед ее добросовестным приобретателем, что может быть использовано недобросовестными участниками международного оборота.*

Автор обосновывает и предлагает нормативное закрепление новой коллизионной привязки — закон государства, в котором культурная ценность зарегистрирована в качестве объекта культурного наследия. Применение данного коллизионного принципа, по мнению автора, могло бы иметь место, когда спорный предмет историко-культурного значения выступает объектом культурного наследия определенного государства путем его включения в охраняемый реестр (список) и имеется подтверждение данного статуса. Это позволит в наибольшей степени учесть интерес государства, в котором спорная культурная ценность зарегистрирована как объект его культурного наследия, и обеспечить защиту нарушенного права собственности, а в целом — противостоять незаконному обороту объектов историко-культурного наследия современных государств.

«Cultural Values Disputes: the Problem of Determining Applicable Law» (Eduard Korol)

The article considers the problems of determining applicable law regarding cultural values. It points out that neither the Republic of Belarus legislation nor multilateral international agreements fix typical format collision adherences to such special objects of civil circulation as cultural values. While settling court disputes, the norms of collision law are mainly used, those that are applicable to proprietary interest and contractual commitments.

The basic collision commencement in settling disputes on return of art objects and other cultural values is, as practiced in the world, the lex rei sitae principle. But its application does not always guarantee the protection of the rights of the owner of the missing cultural value over the rights of its bona fide purchaser, which can be used by the unscrupulous members of international circulation.

The author substantiates and proposes to fix as a norm a new collision adherence – the law of the state where the cultural value is registered as an item of its cultural heritage. This collision principle, in the author's opinion, could be applied in case when the disputed object of historical and cultural value is regarded as an item of the cultural heritage of a certain state through its inclusion in the protection register and this status is confirmed. This will permit to fully take into account the interests of the state where the disputed cultural heritage item is registered and to protect the violated right of ownership. In general, it will allow to counteract the illegal traffic in the objects of historical and cultural heritage of modern states.

Статья поступила в редакцию в марте 2011 г.